

1//114763(039)

СТАРЫЙ СВЕТ — НОВЫЕ ВРЕМЕНА

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ЭПОХУ КАРДИНАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Под редакцией А. А. Язьковой

ВЕСЬ
МИР

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Введение. Место и роль Балкан в современной Европе и мире	9
Часть I. Юго-Восточная Европа на перепутье	21
Глава 1. Балканы в годы блокового противостояния. Кардинальные перемены конца 80–90-х годов XX века	21
Глава 2. Распад СФРЮ, государства-наследники и вооруженные конфликты 90-х годов	47
Часть II. Цивилизационно-культурные и исторические особенности развития Юго-Восточной Европы	89
Глава 3. Сходные черты и противоречивость культурно-исторического развития	89
Глава 4. Национализм в межэтнических и межгосударственных отношениях	113
Часть III. Системные преобразования в странах Юго-Восточной Европы	141
Глава 5. Сравнительный анализ процессов экономического и социального развития стран региона	141
Глава 6. Становление демократии в «постсоциалистических» странах Юго-Восточной Европы	151
Глава 7. Политические итоги «постсоциалистического» развития	214

Глава 8. Характер и динамика современного развития Греции	227
Глава 9. Кипр: новая евроеальность и старые проблемы . .	262
Часть IV. Юго-Восточная Европа в современных международных отношениях	275
Глава 10. Процессы интеграции стран Юго-Восточной Европы в НАТО и ЕС	275
Глава 11. Государства Юго-Восточной Европы и Россия. . .	297
Глава 12. Россия и Юго-Восточная Европа: между историей, экономикой и политикой	323
Сведения об авторах	341
Summary	342
Указатель имен	344

ПРЕДИСЛОВИЕ

В контекст европейских и международных событий XX в., а также в соответствующие представления современников Юго-Восточная Европа — регион, более известный как Балканы, неизменно вписывался как негативно окрашенная геополитическая сфера. Уже само понятие «Балканы» подразумевало его характеристику как «порохового погреба» или «уязвимого подбрюшья» Европы. К этому можно также добавить фактор многолетней своекорыстной «игры» крупных европейских и мировых держав на противоречиях между балканскими государствами.

Как же и почему возникли эти негативные стереотипы и породившие их объективные реалии? Каковы их исторические рамки и возможные перспективы стабилизации положения в Балканском регионе, который сегодня все чаще называют Юго-Восточной Европой, вкладывая в это определенный смысл? Ответы на эти вопросы могут позволить глубже понять причины, современное состояние и возможную дальнейшую эволюцию региональных балканских кризисов конца XX столетия.

Многие из нынешних сложных проблем стратегически важного и густонаселенного Балканского региона носят объективный характер. На Балканах издавна происходило соприкосновение православия, католицизма и ислама, неоднократно выливавшееся в острые религиозные конфликты. Этническая карта Балкан по своей пестроте несопоставима ни с одним другим европейским регионом (за исключением, пожалуй, Кавказа), что стало результатом множественных массовых миграций разнородных этнических групп на протяжении последних двух тысячелетий. Длительное время находясь под властью Османской

и Австрийской (затем Австро-Венгерской) империй и ощущая на себе постоянное, хотя и осуществлявшееся в различных формах воздействие политики Российской империи, народы Балканского полуострова формировались в условиях противоречивых культурно-политических влияний. Наконец, в XX в. на Балканах произошло мощное столкновение порожденных западной цивилизацией политических идеологий — коммунизма, фашизма и национализма, что еще более усилило конфликтный потенциал региона.

Многие из ныне свойственных региону проблем и их характеристик уходят, таким образом, своими корнями в прошлое. Это и исторически сложившаяся многоэтничность, и позднее формирование наций и государств, и многократная насильственная перекройка границ, и длительная борьба против иноземного господства, и, как следствие всего этого, затяжная экономическая отсталость.

Кардинальные изменения в расстановку сил в Юго-Восточной Европе внесло крушение авторитарно-тоталитарных режимов в Румынии, Болгарии, Албании и их переход к сотрудничеству с европейскими и евроатлантическими интеграционными группировками. В то же время в 90-х годах прошлого столетия регион оказался глубоко депрессивным, будучи также втянутым в новую «дугу нестабильности» в результате распада Югославии и возникновения на ее территории серии затяжных вооруженных конфликтов.

На рубеже тысячелетий государства Юго-Восточной Европы стали постепенно преодолевать доставшиеся им в наследие от прошлого проблемы на путях сотрудничества с ОБСЕ, ЕС и НАТО. Важными для них, как и ранее, остаются традиционные связи с Россией. Необходимость их углубления на новой основе остается весьма существенной как для них, так и для самой России.

Эти и многие другие вопросы находятся в центре внимания авторов предлагаемой монографии, подготовленной в Институте Европы РАН. В авторский коллектив вошли ведущие специалисты из ряда московских институтов, а также зарубежных научных центров. Хронологически исследование охватывает период 1990–2005 гг., но в ряде частей книги проблемы рассмотрены в более широкой исторической ретроспективе.

ВВЕДЕНИЕ

Место и роль Балкан в современной Европе и мире

Оценивая современную роль Балкан в системе международных отношений, нельзя не согласиться с тем, что речь идет о периферийной части Европы. Девять стран региона (Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Греция, Македония, Румыния, Сербия и Черногория, Хорватия, а также европейская часть Турции) занимают территорию размером 300 тыс. кв. км. Совокупная численность его населения составляет 55 млн человек, но его ВВП едва достигает 120 млрд долл., а ВВП на душу населения в 12 раз меньше средних показателей по ЕС. Ресурсная база региона небогата. Всего этого, казалось бы, вряд ли достаточно, чтобы признать за регионом, разделенным к тому же национальными границами, заметную роль в окружающем мире. Тем не менее парадокс заключается в том, что, обладая незначительными ресурсами и являясь больше объектом внешнего воздействия, чем субъектом влияния, Балканы не раз приковывали и продолжают приковывать к себе внимание мирового сообщества и держать его в напряжении.

Историческое развитие большинства народов и государств Юго-Восточной Европы проходило по-разному: одни долгое время находились под игом Османской империи, другие — под господством Австро-Венгрии. По ним прокатились волны фашизации, затем советизации, а сегодня — вестернизации. Одни боролись за освобождение с оружием в руках, другие ждали, когда великие державы, собравшись на конференции (в Париже, Ялте, Потсдаме или Дейтоне), преподнесут им независимость (или, наоборот — еще большую зависимость). Различия в общественно-экономическом, политическом, культурном и религиозном развитии, принципиально разные взгляды на историю, на принципы организации власти, государства, на перспективы разви-

тия нации, спрессованные на ограниченном территориальном поле, постоянно создавали (и создают сегодня) территориальные, демографические, религиозные проблемы, культивируют предубеждения в отношениях между народами. Здесь присутствовало все — от процессов ассимиляции, межэтнических конфликтов, терроризма и нарушений прав человека до неконтролируемых миграций, торговли наркотиками, взаимодействия транснациональных криминальных структур. Все эти и подобные им национальные (межнациональные) проблемы не могли не влиять на состояние окружающей среды, международной безопасности, на формирование нового мирового порядка.

Чаще всего это влияние было отрицательным, поскольку обуславливалось совсем не теми параметрами, которые обычно определяют мощь (влияние) государства (коалиций государств) на международной арене, — военная сила, экономический, технологический, финансовый, политический потенциал. Оно было обусловлено прежде всего и главным образом отрицательным фактором — **повышенной конфликтотенностью региона**, которая временами оказывалась разрушительной и даже губительной для окружающего мира: достаточно вспомнить обе мировые войны, которые были так или иначе связаны с балканским феноменом и которые оказались роковыми для целого ряда империй (Османской, Австро-Венгерской, Российской, фашистской).

Повышенная и устойчивая конфликтотенность Балкан определялась тремя группами фундаментальных обстоятельств: геополитического цивилизационного, локального (местного) порядка.

Если говорить об обстоятельствах **геополитического порядка**, то в их основе лежит тот факт, что Балканы постоянно пребывали на стыке двух центров притяжения (двух тенденций), исторически противоборствовавших, каждый из которых надеялся утвердить (расширить) свое влияние за счет другого. В самом деле, после крушения Византии Балканы стали предмостным укреплением как для Европы, так и для Азии. Предварительным условием для давления азиатского континента и для дальнейшего продвижения Азии на европейский континент должно было бы стать обладание Балканами. Предварительным условием для европейского продвижения в Азию должно было бы также стать обладание плацдармом в виде Юго-Восточной Европы.

В настоящее время Балканы все чаще воспринимаются как своеобразный мост между Европой и Азией, по которому идет разнонаправленное движение людей, товаров, капиталов. Каждая сторона стремится к контролю над этими встречными потоками, регулируя их прежде всего в своих интересах. Запад продвинулся в этом направлении дальше: Турция — член НАТО, по ее территории идет на Запад азербайд-

жанская нефть (нефтепровод Баку—Джейхан). Но и Анкара, проявляя завидное терпение, добилась немало: Турция, скорее всего, все же станет первой мусульманской страной, — полноправным членом ЕС.

Все эти геополитические игры вокруг Балкан в условиях, когда для их народов главным было выжить, сохранить свою национальную идентичность, по-разному воспринимались ими, формируя у каждого из них свои образы врагов, друзей, угроз, побед и поражений. Одни считали, что выживание — это вечная борьба, другие полагали, что выживание — это вечное приспособление. И все это не могло не сказаться на взаимоотношениях самих народов, населявших Балканы; многие из этих предубеждений и предпочтений сохранились и до нашего времени, многие из них сегодня институализированы в государствах, материализованы в их национальных идеях, диаспорах, религиях, идеологиях, видении друг друга. Во всяком случае, сегодня практически все Балканские страны имеют определенные предубеждения друг против друга и взаимные претензии, восходящие подчас к далекому прошлому.

Второе обстоятельство, несущее в основном **цивилизационную нагрузку**, обусловлено тем, что здесь, на территории, по размерам незначительной, столкнулись три гуманитарные культуры, три политические культуры, три (если не больше) конфессии, по-разному воспринимающие такие понятия, как «мир», «власть», «общество», «личность». Каждая из этих культур стремилась утвердить здесь свое мироощущение, но это давалось с трудом, ибо предполагалось, что утверждение какого-то одного начала должно означать окончательную победу и полное поражение (искоренение) другого. Фактически взаимоотношения в регионе строились по принципу «игры с нулевой суммой» — либо абсолютная победа, либо абсолютное поражение. Теория Хантингтона о грядущем «столкновении цивилизаций» как будто бы объясняла создавшуюся на Балканах ситуацию — с той лишь разницей, что результатом все чаще виделась не «нулевая сумма», которая в постмодернистской истории имеет мало смысла, а понимание неизбежности длительного сосуществования несовпадающих (несовместимых) начал, неизбежности попыток приспособления их друг к другу. В результате ссоры, распри, конфликты народов, наций, национальностей, этносов, государств принимали затяжной, перманентный характер, становились отличительной чертой, особенностью их внутренних и внешних взаимодействий. Отсутствие стабильности также становилось спецификой региона.

Наконец, третьим (**местным**) обстоятельством, нагнетающим и удерживающим высокую температуру конфликтности региона,

был процесс **самоидентификации** стран региона, начавшийся не сегодня, но и до сих пор еще далеко не законченный. Как справедливо указывал Макс Вебер, нация, народность, этнос осознают себя как нечто цельное, но специфичное прежде всего при соприкосновении (взаимодействии) с другими народами и государствами, т.е. они самоидентифицируют себя, когда вступают в систему международных отношений. Именно в этой системе они ощущают свою непохожесть на других, понимают, что у них другое, свое видение мира, своя миссия в нем. Поэтому обычно становление национального государства идет путем этнической гомогенизации. Применительно к Юго-Восточной Европе это, во-первых, создает серьезные проблемы с национальными меньшинствами в большинстве Балканских государств (проблемы венгерского меньшинства в Румынии и Сербии, албанского — в Сербии и Македонии, турецкого — в Болгарии, греческого — в Албании). И во-вторых, утверждение «гомогенных государств» зачастую шло на Балканах, опираясь на силу (этнические чистки) и диктатуру власти, обычно при массовой поддержке населения. Формирование этнически однородного государства серьезно мешает поэтому процессам демократизации.

Следует отметить, что процесс самоидентификации в Юго-Восточной Европе в ряде случаев далек от завершения, «формирование нации идет вдогонку», отставая от потребностей общества, от средневропейских стандартов. К тому же он подпитывается не только взаимодействием с окружающими «непохожими сущностями», но и постоянной подозрительностью по отношению к «ним» и в конечном счете конфронтацией с ними, ибо история приучила балканские народы к тому, что непохожий всегда был чужим, а чужой, как правило, оборачивался противником. Это происходило не потому, что этнос, национальность, государство были недоверчивыми и подозрительными изначально, а потому, что этого требовало само их выживание: выживание албанцев в Косово при режиме Милошевича, выживание сербов в том же Косово при режиме албанских сепаратистов. Вероятно по этой же причине выживание обычно мыслилось на Балканах как поглощение (покорение) ближайших (потенциальных) противников, расширение территорий, их полное подчинение себе. Возникновению повышенной конфликтности способствовала и прежняя колониальная практика. Для того чтобы поддерживать порядок на непокорных территориях, пришлые завоеватели проводили здесь политику «разделяй и властвуй», натравливая одни народы на другие. А исторические предубеждения живут намного дольше, нежели создавшие их режимы. Поэтому во время Второй мировой войны,

да и после распада Югославии, с таким ожесточением хорваты уничтожали сербов, сербы хорватов, потом албанцев, потом вместе сербы и хорваты обращали свой гнев на мусульман в Боснии и Герцеговине.

Временами политики и вожди теряли чувство реальности, но большие амбиции нравились малым народам, они казались вызовом окружающему миру. Поэтому одна за другой в рамках все той же самоидентификации всплывали идеи построения Великой Болгарии, Великой Сербии, Великой Албании, Великой Румынии. Чем меньшими возможностями обладала страна, тем больше она претендовала на статус «великой». Но, как показывает практика, «великие идеи» требуют великих жертв. Существование же столь значительного числа претендующих на величие стран на столь незначительном территориальном пространстве представляется потенциально опасным, хотя в реальности и маловероятным.

Наличие в регионе высокого уровня конфликтности, противоречий, взаимной враждебности гасило импульсы к созданию и развитию собственного интеграционного потенциала, который мог бы (как показывает опыт Европейского союза) способствовать размыванию существующих противоречий, большей стыковке расходящихся национальных интересов. Когда собственной взаимной недоброжелательности не хватало, на авансцену выходили «друзья» со стороны. Так, идея создания Балканской конфедерации, которую в 40-х годах выдвигали сначала англичане, а затем и лидеры болгарских и югославских коммунистов, была с ходу отвергнута Москвой.

Между тем расхожий термин «**балканизация**» означает противоположную тенденцию — к фрагментации, государственному дроблению, постоянным распрям на этнической и территориальной почве¹. Попытки проведения каждой новой границы на Балканах приводят к появлению новых меньшинств, которые, в свою очередь, очень скоро становятся новым источником дробления. Важно и другое: национальные и политические лидеры Балканских стран и территорий традиционно стремились вовлечь в свои споры и конфликты великие державы. Сами же они в стремлении усилить влияние в регионе за счет конкурентов охотно вовлекались в местные склоки.

---

¹ По оценке югославского публициста и исследователя Р. Петковича, балканизация — это состояние постоянного конфликта между Балканскими государствами и народами по поводу территорий и непрерывная атомизация Балканского региона. К этой характеристике можно добавить фактор многолетней своекорыстной игры крупных европейских держав на противоречиях между Балканскими государствами и народами, политическими элитами.

«Историю Балкан двух последних столетий, — подчеркивает Б. Шох из гессенского Фонда изучения проблем мира и конфликтов, — можно описать как арену скрещивания интересов и вмешательства великих держав». В конечном счете подобное вмешательство заканчивалось трагически как для самих великих держав, так и для стран (народов) самого региона. Достаточно вспомнить Первую мировую войну, когда запущенный маховик взаимной вражды так и не удалось остановить. «Балканская ловушка» для великих держав продолжает функционировать и в наши дни. Поспешное официальное признание правительством Германии развала СФРЮ и независимости возникших на ее месте ряда государств послужило одним из катализаторов югославской трагедии, последствия которой ощущаются поныне. Однако для Бонна главным в этом случае была возможность продемонстрировать миру, что ФРГ наконец-то созрела для проведения самостоятельной внешней политики. Первым, и наиболее ощутимым, следствием косовской драмы (военная операция НАТО против Югославии) стало ухудшение и без того напряженных тогда российско-американских отношений.

Временами великие державы, влезая в «балканскую ловушку», теряли ориентацию, объективность, способность быть нейтральными в конфликте. Забывая о провозглашенных целях, они начинали играть по правилам, установленным местными политиками. Это относится и к Соединенным Штатам, которые помогли косовским сепаратистам победить, но не смогли решить косовскую проблему, в частности не сумев обеспечить безопасность проживающих в крае сербов (то же самое произошло впоследствии в Ираке, где американцы смели диктаторский режим Хусейна, но не смогли заменить его демократией). Это относится и к России, которая попустительствовала Милошевичу даже тогда, когда он в своих интересах пытался сравнить ее с американцами.

В то же время великие державы, преследуя свои интересы на Балканах, пытались опереться на различные группировки традиционно-го балканского общества. Каждая из этих держав искала поддержки своей линии у совершенно различных групп, тем самым разъединяя это общество, а не объединяя его для решения существующих проблем. Каждая из них считала, что именно она является примером для модернизирующихся балканских обществ, зачастую игнорируя их исторический путь и исторический опыт. Нет сомнения, что Балканы — неотъемлемая часть Европы. Но часть специфическая. Это классический субрегион с собственной историей, географией, культурой, менталитетом, образом жизни. Балканские страны всегда вносили в «копилку» европейской цивилизации свой особый, неповторимый

вклад. Сегодня, стандартизируя процесс изменений, процесс демократизации в регионе, великие державы Запада девальвируют то, что является на самом деле движущей силой перемен, — стремление Балканских государств к национальной самоидентификации.

После окончания «холодной войны» ситуация в Юго-Восточной Европе усложнилась. Здесь столкнулись международные интересы не только Соединенных Штатов, западноевропейских государств (в среде которых не было единства), России, но и таких важнейших международных организаций, как ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО. В результате их противоречия по поводу Балкан наложились на конфликты между Балканскими странами, и образовалась «гремучая смесь», способная взорвать не только европейское, но и мировое равновесие. К счастью, этого не случилось, хотя по своей значимости кризисная ситуация после распада СФРЮ вышла далеко за рамки региона и приобрела как общеевропейское, так и глобальное измерение.

Вместе с тем на ситуацию в Юго-Восточной Европе ныне все более значительное воздействие оказывает само состояние внешней среды, те системообразующие процессы, которые происходят в международных отношениях и меняют роли государств, неправительственных организаций, индивидуумов, конфигурацию сил в современном мире. Как же эти процессы вписываются во все то, что происходит или может в ближайшее время произойти на Балканах?

Прежде всего, речь идет о **процессах глобализации**, охвативших современный мир. И не столько о количестве персональных компьютеров на душу населения, хотя и это важно, сколько о наличии рыночной экономики, о демократизации обществ, об их открытости для движения товаров, капиталов, людей и идей, о новом характере взаимоотношений по линии личность—общество—государство, об их взаимосвязи с теми тенденциями, которые развиваются в современном мире. Почти все страны Юго-Восточной Европы (за исключением Греции и Турции) находятся на начальной стадии экономических и социальных реформ, которые значительно отстают от реформ политических. Они добились успехов лишь в «малой приватизации», а также в либерализации режимов торговли и валютных курсов. Что же касается приватизации крупных предприятий, реформы банковской системы, изменения рамочных условий экономической политики, а также принятия законов о конкуренции и банкротстве, то здесь большинство Балканских стран не продвинулось вперед. Местные рынки малы и относительно изолированы. Конкуренты из стран с низким уровнем заработной платы вне Балкан часто предлагают для иностранных инвестиций лучшие условия. Поэтому эффект воздействия глобализации на экономику и социальную

сферу этих стран явно отрицательный — открытость работает против становления и укрепления национальных экономик. В этих странах, за редким исключением, нет каналов и ресурсов, используя которые они могли бы поставить глобальные процессы себе на службу.

Наконец, в системе взаимоотношений личность—общество—государство процесс глобализации делает основной упор на личность, на оптимальное раскрытие и использование ее потенциала. Отсюда — упор в политике государств, пытающихся опереться на процессы глобализации, на профессионализм, образование, здравоохранение, на совершенствование гарантий соблюдения прав человека. Балканские страны прилагают огромные усилия, для того чтобы сократить утечку мозгов, которая в условиях глобализации получает новый импульс. Из стран уезжают не только выдающиеся ученые, деятели культуры, врачи, но и просто рабочие-специалисты. Балканские страны сталкиваются с угрозой интеллектуального и профессионального истощения. К сожалению, все эти проблемы не стоят в числе первоочередных в повестке дня правительств стран Юго-Восточной Европы. Отчасти потому, что другие проблемы — социальные, экономические — кажутся более насущными и больше давят на правительства. Отчасти потому, что значение этих проблем в «догоняющих обществах» просто недооценивается. Отчасти потому, что у правительств просто нет средств для финансирования соответствующих программ.

Национальная самоидентификация в принципе вписывается в процесс глобализации, но совсем не в тех формах, в которых она проходит в большинстве Балканских государств. Здесь она сконцентрирована в основном на усилении роли государства в экономической, социальной и политической сферах, в то время как процесс глобализации предполагает, что роль государства во всех этих сферах постепенно размывается, она подменяется возрастающей активностью неправительственных организаций, гражданского общества. Проблема состоит в том, что наличие и активность этих последних не создаются волевым решением, указом законодательных органов; это длительный процесс приспособления общества к меняющимся условиям политического бытия. Поэтому если для развитых стран процесс глобализации — это новые возможности, то для Балканских стран, как и для большинства развивающихся (догоняющих) стран, это новая проблема, с которой они не знают, как обращаться.

Несмотря на всю свою специфичность, Балканы живут и развиваются отнюдь не в вакууме, постоянно ощущая на себе давление внешней среды. Между тем сама эта внешняя среда, и прежде всего нынешняя ее структура, уникальна. Некоторыми исследователями

она характеризуется как **плюралистическая однополярность**, обусловленная, по мнению одних, неоспоримой гегемонией Соединенных Штатов, по мнению других — мягкой гегемонией США, по мнению третьих — американским лидерством. Неудивительно, что в подходе мирового сообщества к разрешению балканского кризиса 90-х годов прошлого века Соединенные Штаты играли ведущую роль. Можно предположить, что они будут играть эту роль и в дальнейшем, независимо от того, будут ли они сами непосредственно присутствовать в зоне конфликта или нет.

Между тем стоит отметить, что Вашингтон после «бархатных революций» в Восточной Европе, полагая, что он решил свою основную послевоенную задачу (спас Европу от коммунизма), неохотно влезал в «балканскую ловушку». По мнению ряда американских политиков, Балканы не относятся к сфере жизненно важных интересов США, требующих их непосредственного присутствия. Возможно поэтому на ранних этапах югославского кризиса они выступали против раздела СФРЮ, за ее территориальную целостность. И при всех обстоятельствах полагали, что ответственность за рациональное разрешение кризиса должна взять на себя Европа, прежде всего Европейский союз, который, считали американские руководители, сам «рвался в бой», желая испытать себя и свои возможности в качестве нового центра силы мирового значения. Однако ЕС, не имевший опыта подобного умиротворения и во многом полагавшийся на «мудрость» ООН, потерпел в этом случае фиаско. Можно предположить, что американские стратеги предвидели такой исход и просто хотели «подставить» ЕС, у которого после провала его миссии не было иного выбора, кроме как признать свою несостоятельность и обратиться за помощью к США. Во всяком случае, в возникшей ситуации Вашингтон «вынужден» был возглавить операцию по разрешению югославского кризиса.

Американская стратегия «балканского урегулирования» носила откровенно силовой характер: сначала наносился бомбовый (ракетный) удар по «противнику» (которым были избраны сербы), затем под угрозой эскалации военных действий его принуждали пойти на политические уступки. Таким путем было достигнуто Дейтонское соглашение 1995 г., которое убедило американцев, что С. Милошевич лучше всего понимает язык силы, а затем и «косовское урегулирование» (март—июнь 1999 г.). Последнее проводилось без санкции СБ ООН, но впоследствии косвенным образом было им реабилитировано. Конечно, подобная нелегитимная практика не лучший способ действий, она подрывает авторитет ООН. Но Вашингтон выбрал этот путь, поскольку Россия и Китай заявили, что заблокируют любое военное решение ко-

совской проблемы, если на него не будет получено согласие Белграда. Американская администрация рискнула пойти на непопулярные меры и добилась своего. Решив силовым способом «основную проблему», Вашингтон «доверил» послевоенное устройство Юго-Восточной Европы (т.е. наиболее трудную часть работы) ООН и Европейскому союзу. Американские военные стремятся освободиться от своей бывшей миссии на Балканах, но и сегодня Вашингтон по-прежнему является главным фактором, определяющим характер стабилизации и вектор развития этого региона. Наверное, этому способствует и тот факт, что большинство государств региона (в особенности бывшие социалистические страны) ныне придерживаются откровенно проамериканской ориентации.

Между тем **Россия исторически** на протяжении десятилетий (если не столетий), в том числе и после Второй мировой войны, была одним из наиболее значимых внешних факторов, влиявших на судьбы региона. Эта ее роль была фактически закреплена ялтинско-потсдамским послевоенным урегулированием, ставшим основой продержавшегося полвека мирового порядка. Как всякий мировой порядок, ялтинско-потсдамский не был абсолютным: то Югославия, то Албания, то Румыния (при поддержке то США, то Китая, то США и Китая) бросали вызов советской гегемонии в регионе, но так и не смогли разрушить ее.

Она сохранялась до тех пор, пока в неизменном виде существовал Советский Союз. Как только СССР стал меняться, рухнуло в результате «бархатных революций» «социалистическое содружество», рухнул и ялтинско-потсдамский мировой порядок. Россия и бывшие европейские страны социализма (включая государства Балканского региона) в процессе перемен пришли к выводу, что они более не нужны друг другу, все они (включая саму Россию) повернулись к Западу, ожидая щедрых вознаграждений за отказ от прошлого. Этот процесс затронул и Балканы (и Румынию, и Болгарию, и Албанию, и почти полдюжины государств, появившихся на руинах СФРЮ). В их новой жизни Россия не могла дать им того, в чем они нуждались больше всего. Она не могла кредитовать их и поделиться с ними опытом демократизации, ибо его у нее не было.

Нельзя утверждать, что Россия не предпринимала попыток восстановить свое влияние на Балканах, помочь в разрешении югославского кризиса. Однако у ее правящей элиты не было ни понимания истоков югославской трагедии, ни свежих идей относительно того, как выйти из нее. В этой нетривиальной ситуации она полагалась на банальные призывы к «славянскому братству и православию», делала ставку на те силы (С. Милошевича и его подручных), которые югославскую трагедию и породили. Москва энергично, но безрезультатно протес-

товала против не санкционированной СБ ООН военной операции НАТО в Югославии. В то же время она в течение ряда лет участвовала в миротворческих силах по стабилизации ситуации в Боснии (SFOR), созданных в соответствии с Дейтонскими соглашениями, в силах по урегулированию ситуации в Косово (KFOR), размещение которых было санкционировано ООН. И в том, и в другом случае российские миротворцы выполнили свои миссии, наладив рабочее взаимодействие с военными структурами НАТО. И то и другое открывало России новые возможности на двух направлениях. Первая возможность — восстановление влияния Москвы на Балканах, поскольку она политически отчасти балансировала военное присутствие Запада в регионе. Российские миротворцы зарекомендовали себя объективными (благожелательными по отношению к обеим конфликтующим сторонам) посредниками. Вторая возможность — налаживание более тесного сотрудничества с военными структурами НАТО, особенно на низовом и среднем уровнях. К сожалению, ни та, ни другая возможность реализована не была: российские миротворческие подразделения были отозваны как из Боснии, так и из Косово. Между тем, хотя на Балканах сейчас не стреляют, в регионе остается много других проблем, в решении которых Россия могла бы найти свою нишу.

Куда же пойдут сами **Балканы, к какому берегу они пристанут?** Пока политологи готовили свои рецепты и рекомендации, ход событий начал опережать их прогнозы. В 2004 г. членами НАТО стали три Балканских государства, вместе с Грецией их — четыре, а с Турцией, которая на четверть тоже Европа, их пять. В дверь альянса стучатся Хорватия, Македония и Албания; вполне вероятно, что в перспективе в очередь встанут Сербия и Черногория. И если Босния и Герцеговина станет суверенным государством, то и она последует за ними. Если все они войдут в НАТО, то альянс на треть станет балканским (выдержит ли он такую нагрузку — другой вопрос). Но и это не самое главное, ибо НАТО, как кажется, превращается в некую рыхлую организацию без границ и зоны ответственности. Более важным представляется, что недавно членом Европейского союза стала Словения в 2007 г. к нему присоединились Румыния с Болгарией, а затем постепенно последуют и прочие. Учитывая все означенное выше, можно сделать по крайней мере три вывода.

Вывод первый. Балканские страны перестают быть предмостным укреплением или мостом между Европой и Азией, они пристают к европейскому берегу, разделяя систему ценностей Европы, ее политические и экономические стандарты, но сохраняя своеобразие своей культуры и образа жизни. Они понимают, что за это придется платить